

ББК 83.3 (2 Рос=Рус) 6
УДК 82.09

Я.О. ДЗЫГА

Y.O. DZYGA

**БЫТОПИСАНИЕ И.С. ШМЕЛЕВА
И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**THE IMAGE OF THE MODE
OF I.S. SHMELEV AND TRADITIONS
OF THE RUSSIAN LITERATURE**

В статье рассматривается характер бытописания Шмелева в контексте традиций русской литературы. Творческое усвоение опыта Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, авторов антинигилистических романов сказалось на характере изображения быта писателем-эмигрантом, сопрягающим материальное и духовное начала в описании бытовой повседневности русского народа.

The present paper deals with the image of the mode of Shmelev in the context of traditions of the Russian literature. The experience of N.V. Gogol, I.A. Goncharov, N.S. Leskov, A.P. Chekhov, the authors of the non-nihilist novels affected the type of the mode's image made by the writer-emigrant who was good at combination of the material and spiritual bases in the depiction of daily life of the Russian people.

Ключевые слова: Шмелев, быт, бытие, традиция, русская литература.

Key words: Shmelev, mode, being, tradition, Russian literature.

Предметом анализа данной статьи является поэтика и функционирование бытовых описаний и деталей быта в произведениях И.С. Шмелева через их соотнесение с традициями русской литературы.

Вовлеченный в процессы обновления реализма начала XX века автор «Лета Господня» одновременно тяготел к литературной традиции. Эти разнонаправленные тенденции по-своему сказались на характере бытовых описаний в его сочинениях. Повышенное внимание к изображению быта закрепило за Шмелевым репутацию бытописателя. Однако и в этой ипостаси художник отличался пристальным вниманием к философским началам жизни, к бытийному смыслу, скрытому за бытовой очевидностью.

Нетипичность шмелевского «бытовизма» долгое время была причиной нелестных критических отзывов о писателе. М. Левидов, рассматривающий произведения художника как «образец творчества беспроблемного» и ставящий под сомнение художественную ценность «Человека из ресторана», тем не менее, настаивал: «Шмелев не бытовик в обычном смысле этого слова» [с. 7]. Писателя упрекали в неопределенности «общего смысла бытописательства», «узости кругозора» и «отсутствии широких исторических перспектив» [с. 14].

Полноценное осмысление характера шмелевских бытовых описаний началось в эмиграции. Близкий писателю по духу И.А. Ильин аттестовал художника «бытописателем русского национального акта» [с. 336], открывающим за картинами обыденной повседневности чистоту и красоту русского национального быта, духовного, культурного и государственного величия.

Ко времени вхождения в литературу Шмелева быт уже не был служебной категорией в иерархии художественного произведения, а погруженные в быт и отстраненные от него герои не подвергались однозначным романтическим оценкам. Тем не менее, деление персонажей на «положительных» и «отрицательных» по степени их вовлеченности в бытовую сферу у Шмелева в некоторой степени сохраняется. Связь с традицией здесь осуществляется по линии реалистической литературы, восходя к известному в XIX веке жанру антинигилистического романа.

Презрение к быту, домашнему уюту и семейным ценностям отличает героев Тургенева (Кукшина, Ситников, отчасти Базаров), Лескова (Бертольди, Бизюкина, Горданов), Гончарова (Волохов), Толстого (Венеровский, Николай Левин), Достоевского (Верховенский, Ставрогин). В изображении писателей антинигилистической направленности отрицающий уклад и быт герой – прежде всего образ мыслей и стиль поведения, обнаруживающий свою несостоятельность в семейно-бытовой сфере.

Следы классических образов у Шмелева прослеживаются в рассказе «Трапезондский коньяк» (невеста офицера Грача), романах «История любовная» (акушерка Серафима), «Пути небесные» (жена Вейденгаммера Анна Васильевна, акушерка-нигилистка, венгерка-жоржзандочка, «стриженная», упоминаемая станovým Бабушкиным). Как и в романах XIX века, в этих произведениях губительному воздействию идеологии отрицания подвергается не класс или социальная группа, а отдельный человек.

Отрицание быта в контексте всеобщего разрушения жизненных устоев проповедуют герои-революционеры, запечатленные Шмелевым в многочисленных произведениях о революционной России. Нигилистам нового времени чужды любые формы упорядоченности, будь то налаженная повседневность или законные формы государственного устройства. Рассказ об умирании жизни в эпопее «Солнце мертвых» складывается из трагических историй осквернения дома и поругания семейных ценностей. Потерявший все на свете, оголодавший и оборванный чудаковатый «миндальный доктор» на исходе жизни утешается тем, что нашел для любимой жены оригинальный гроб из орехового угольника, в котором раньше хранили абрикосовое варенье. «Понимаете <...>, – объясняет герой, – в каждой семье милые условности свои есть, интимности... поэзия такая семейная, ей одной только и понятная! В вещах ведь часть души человеческой остается, прилипает...» [с. 54].

Однако у Шмелева есть и другие примеры усвоения классических образцов. В «Истории любовной» традиция оборачивается иронией, а принципы романтической литературы «воссозданы» в воображении влюбленного подростка.

Традиционный литературный канон в романе Шмелева творчески преобразуется. Непривлекательная в глазах героя проза устойчивого бытового уклада и семейных ценностей поэтизируется, а яркий романтический флер любовных настроений подростка разрушается примитивным и грубым обманом. Увлеченный далекими от жизни книжными идеалами герой находит утешение там, где меньше всего искал: в уюте семейного очага и любовной заботе близких людей. Точно также погруженная в житейские заботы Паша оказывается несравненно выше идеализированной в мечтах гимназиста, «внебытовой» Серафимы.

Но сама по себе устойчивость бытовой сферы еще не гарантия ее одухотворенности. Шмелев далеко не всегда поэтизирует стабильный жизненный уклад своих персонажей. Галерея героев, погруженных в повседневность быта, у писателя неоднородна.

Заурядность и однообразие бытовой повседневности жителей города С. («В норе») затягивает, как трясина. Мертвящий застой обнаруживает себя в разговорах, манере одеваться, прическах, привычках, работе и развлечениях. Скучная и пустая будничность приобретает характер заедающей среды, предъявляющей права на внутренний мир человека, который, в свою очередь, проецируется на мир вещей. Так, жилище землемера, невинный «особнячок с садом», производит впечатление «неуютного логовища»: «Разбитый, пыльный колпак на лампе, голые стены, развороченные венские стулья... Неуют глядел из углов <...>» [т. 2, с. 587].

Безысходной скукой и ленью пропитан застойный быт прасолов Хворостихиных («Поденка»), пустота и нелепость жизни поглотили интересы жителей отдаленной станции с издевательским названием «Золотая» («Загадка»). В этой обстановке томящего однообразия материально-бытового существования работа воспринимается как наказание, изматывающая тело и душу череда тщетных и бесполезных усилий («Стена»).

Тема мещанского существования и попыток вырваться из засасывающего болота пошлой повседневности сближает творчество Шмелева с художественными открытиями Чехова []. Эта традиция проявляется особенно явно на образном («Поденка», «В норе», «Загадка», «Стена») и сюжетном («Виноград», «Лес», «Карусель», «В усадьбе», «Лихорадка») уровне произведений писателя.

Сочетание «трезвого», порою «сурового» бытовизма со своеобразной идеализацией действительности М.М. Дунаев считал одной из определяющих особенностей реалистического бытописания автора «Богомолья». При этом исследователь настаивал на особом понимании шмелевской идеализации: это не слащавое приукрашивание действительности, а «<...> стремление показать те идеальные взаимоотношения между людьми, которые порою в скрытой форме уже существуют в реальности» [с. 173].

«Бытописатель русского благочестия» любовно воссоздал неповторимую атмосферу домашнего уюта и гармонии повседневной жизни в диалогии «Богомолье» и «Лето Господне». Важную роль в изображении бытового уклада у Шмелева играет предметный мир, который не только не поработощает человека, но освобождает от власти повседневности, вовлекая в мир гармонии, ласки и лада. Заполненный разнообразными хозяйственными хлопотами, прочный быт московской купеческой семьи соотносим с веселым и уютным обликом Малиновки из романа И.А. Гончарова «Обрыв». И здесь, и там «благоустроенность быта снимает антитезу «будни-праздник», делая светлым и радостным обычную повседневность» [с. 193].

Эта тенденция у Шмелева связана с православной мировоззренческой доминантой его героев. Осиянные светом веры будни персонажей писателя пронизаны чувством праздника. Таковы, к примеру, ощущения шмелевских богомольцев при виде Посады: «Взглянешь – и сразу весело, будто сегодня праздник. Всегда тут праздник, словно он здесь живет» [т. 8, с. 112]. В восприятии малолетнего героя «Лета Господня» повседневная работа на дворе тоже ассоциируется с настроениями радости и веселья, претворяющими жизненную прозу в высокую поэзию одухотворенного труда.

Бытовая деятельность героев Шмелева связана с любовной заботой о семье, хлопотами по дому, сезонными хозяйственными работами, искусным владением ремеслом. Благоустройство прочного, «укладливого» быта создается усилиями простых людей, таких, как филенщик Михаил Панкратыч Гор-

кин, плотник Мартын и другие мастеровые «нашего двора». О плодах трудов таких умельцев игрушечник Аксенов говорит: «Одной рукой да глазом не сделаешь, тут душой радоваться надо...» [т. 8, с. 164].

Тема созидательной красоты труда у Шмелева сопряжена с фольклорными мотивами. Веселая работа и ее результаты сродни песне, сказке, чуду. Малолетний герой «Лета Господня» зачарованно наблюдает, как споро и ладно набивают льдом погреба: «весна накрыла». Как по волшебству, исчезли огромные ледяные глыбы: «Спрятались в погреба все горы. Ну, будто в сказке: Василиса Премудрая сказала» [т. 10, с. 33].

Работа, несущая людям радость, сродни служению. Об этом ответ Горкина Антипушке («Богомолье»), удивленного тем, что Преподобный, будучи отроком, «тоже хозяйствовал, не гнушался». «Как можно гнушаться, – говорит Горкин радостно, – он и с топориком трудился, плотничал, как и мы вот. Поставит мужичку клеть там, сенцы ли – денег нипочем не возьмет. <...> С того все и почитают, за труды-молитвы да за смирение» [т. 8, с. 101–102].

Затейливая работа народных мастеров рождает такие чудеса «рукомесла», как узорчатая старая тележка, которой «сносу <...> до века не будет» и под стать ей резная, искусная, веселая беседка Аксенова. По рассказам Горкина, рукотворные «чудеса» плотника Мартына удивляли самого государя. «Песенки пел топориком» [т. 10, с. 77], – любовно вспоминает он мастера. В похожих выражениях отзывается Горкин и о тонкой красоте аксеновской беседки: «Не беседка, а песенка!» [т. 8, с. 127]. Рукотворное и нерукотворное у Шмелева сближаются по признаку вовлеченности в душевно-духовную сферу, соединяющую героев в чувстве радостной сопричастности с общими началами мира. Это было очевидным и постижимым для самого Шмелева, который писал: «<...> Все в мире ценно, если взглядишься, – и духовные блага, и – вещиные! <...> Знаю ароматное (неповторимое!) дыханье вещей!» [с. 534].

Затейливая работа шмелевских народных умельцев сродни «артистической удали» тульских мастеров Н.С. Лескова. В обоих случаях предметы быта помимо утилитарной, обладают важной этико-эстетической ценностью, сопряженной с духовными основами русской жизни. Подкованная блоха – не только свидетельство удивительного мастерства тульских оружейников, но и пример высшей национальной самооценки, «<...> чтобы англичане над русскими не предвозвышались» [с. 196].

Созданная не для одной житейской пользы «веща-красота» в художественном мире Шмелева и Лескова сближена с духом народного творчества. «Вольно-веселая, прихотливо-игровая выдумка, служащая тому, чтобы украсить жизнь, – вот что, – по мнению В.Е. Хализева, – объединяет предметный мир Лескова с народным искусством <...>» [с. 281]. То же можно сказать и о вещном мире Шмелева. «Рукомесло-то это неприбыльное, на хорошего любителя, кто понимает, чего тут есть... для своей радости-забавы делали...<...>» [т. 8, с. 164], – рассказывает богомольцам историю затейливой тележки-игрушки старик Аксенов.

Но, как и у Лескова, предметы материального быта у Шмелева далеко не всегда имеют красочный, изысканный и пестрый вид, не всегда радуют глаз праздничной наружностью. «Верный зачин весны», большая лужа на заднем дворе в «Лете Господнем» занимает «законное» место в бытовом укладе семьи. Несмотря на прозаический вид и очевидные бытовые неудобства, она по своему вписана в вещно-вечный мир романа и через мотив родовой памяти связана с главным пафосом шмелевской книги. Для писателя-эмигранта ха-

рактерна поэтизация обыденного, связанная с идеей взаимопроникновения бытового и бытийного: «В каждой пылинке – сколько смысла, величия, красоты, – да, именно "красоты, которая спасет мир"» <...>» [с. 497].

Как и у Лескова, шмелевский предметно-бытовой мир «<...> отрицает противопоставление духовной жизни как высокой, единственно достойной, и материально-телесной в качестве низменной, тем более – греховной» [с. 272]. Вовлеченный в сферу духовного, материальный быт у Шмелева не просто поэтизируется, но получает почти сакральное значение, свойственное как предметам культа, так и привычным предметам бытового уклада вроде одежды и еды. Причастный к ценностям высшего духовного порядка бытовой мир автора «Богомолья» противопоставит бесхитростному быту Лескова, где «<...> онтологический смысл видимого крайне неопределенен и может лишь смутно угадываться» [с. 271].

Герои «Соборян» остро чувствуют свою спаянность, почти семейную близость исключительно в бытовой обстановке. Ко времени написания романа у Лескова сложилось критическое отношение к официальной церкви. Настроения писателя сказались также в ироническом отношении к церковному убранству, в котором он усматривал чуждые русскому быту «пышность», великолепие и роскошь.

Лесковские представления о кризисе православной церковности ни в коей мере не свойственны Шмелеву. Живописание быта у Шмелева и Лескова иногда обнаруживает поразительное сходство, которое при ближайшем рассмотрении оборачивается существенными различиями. Так, изображение усадебной жизни в дилогии «Богомолье» и «Лето Господне», а также в романе «Пути небесные» подчинено славянофильской идее соборности, которая особенно ярко раскрывается в картинах церковной жизни. Для Шмелева Церковь – не только Дом Божий, место единения земного и небесного начал, но и одна из первооснов национальной культуры. В числе неосуществленных замыслов писателя, предназначенных для журнала И.А. Ильина «Русский колокол», значился материал о значении Церкви в русской литературе, о «строительстве внутреннего и внешнего человека» [с. 106].

Церковный уклад, величественная красота и торжественность церковных служб много значили в биографии и творчестве писателя-эмигранта. Жизнь Церкви нашла многогранное отражение на страницах художественного и эпистолярного наследия писателя. В «Богомолье» и «Лете Господнем» она дана в восприятии ребенка, с детской непосредственностью переживающего посещение Троицкого собора в Сергиевом Посаде или храмовые службы в дни православных праздников. Показательно, что с художественными описаниями перекликаются живые впечатления Шмелева эмигрантского периода от посещения Сергиева Подворья в Париже. Здесь та же необычайная радость от близости «к несказанному, Божиему», внутренний свет, покой, мерцание позолоты и серебра, горение пучков свечей и ни с чем не сравнимое пение. «Нет, да разве без церкви можно! – писал Шмелев Ильину. – Мечтаю – дожить бы до Великого Поста, и все, все службы стоять и – жить Господом!» [с. 380].

Не только в изображении церковного, но и семейно-бытового уклада Шмелеву нет равных. Сопоставимы с авторитетными классическими образцами произведения писателя-эмигранта по колоритности и плотности гастрономических описаний. Исключительная роль шмелевских образов еды в иерархии художественного произведения, в первую очередь, наводит на мысль о традиции Н.В. Гоголя. Как и у классика XIX века, в творчестве писателя века

XX есть произведения, почти целиком построенные на этих образах. И так же, как и у автора «Старосветских помещиков», они перерастают свойственные им художественные функции, поднимаясь до материального выражения духовных сущностей. Ярчайшее из них – рассказ «Рождество в Москве» (1942–1945). Написанное в голодные военные годы, произведение, по замыслу автора, было призвано «показать праздник материального и духовного изобилия» [с. 559] прежней России, рождественской Москвы.

Мир съестного многообразия в рассказе Шмелева так органично связан с духовными ценностями, что сам становится их частью. К примеру, на Конной, куда для предпраздничных закупок стекалась вся Москва, в рождественско-деловой суе пахло не только теплой сдобой, «пронзительно душистым» конопляным маслом и медом, но и «<...> сладкой какой-то радостью, Рождеством?» [т. 11, с. 198]. Это настроение одинаково захватывало первых богачей и фабричных, приехавших с товаром мужиков и последних нищих.

К Рождеству в Москву подтягивались нескончаемые обозы с провизией, «бучило» в Охотном, полнели игрушечные ряды. Но главный знак праздника, которому Шмелев уделяет особое внимание, – описание мясной, рыбной, овощной, сырой и приготовленной, соленой и копченой, моченой и печеной, сладкой, кислой и прочей снеди. Поражают воображение сочные, «вкусные» названия «сладкого товара», пирожков, хлеба, рыбы, мяса, икры, того, чего «мамона» требует. Однако все это материальное изобилие – обратная сторона духовного богатства, «земное выражение радости Рождества. А самое Рождество – в душе, тихим сияет светом» [с. 202].

Рассмотрение бытописания Шмелева с точки зрения традиций русской литературы проливает дополнительный свет на генезис творческого метода и неповторимого художественного стиля писателя. Характер усвоения и способы обновления традиции выдают в Шмелеве самобытного мастера, воплотившего в бытописании особенности материальных и духовных установок, привычек, каждодневного поведения русского народа, а также утвердившего незыблемость бытия через живописание быта.

Литература

1. Горбачев, Г. Реалистическая проза 1910-х годов и творчество Ив. Шмелева [Текст] / Г. Горбачев // Шмелев Ив. Забавное приключение. – М.–Л.: Госуд. изд-во, 1927. – С. 3–15.
2. Дунаев, М.М. Своеобразие творчества И.С. Шмелева (К проблеме «бытовизма» в произведениях писателя) [Текст] / М.М. Дунаев // Русская литература. – 1978. – № 1. – С. 163–175.
3. Ильин, И.А. Переписка двух Иванов (1927–1934) [Текст] / И.А. Ильин // Собрание сочинений. – М.: Русская книга, 2000. – 560 с.
4. Ильин, И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев [Текст] / И.А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Кн. 1. – М.: Русская книга, 1996. – С. 183–406.
5. Левидов, М. Писатель без человека [Текст] / М. Левидов // Журнал журналов. – 1915. – № 6. – С. 5–7.
6. Лесков, Н.С. Левша [Текст] / Н.С. Лесков // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – 416 с.
7. Потапова, Е.Г. А.П. Чехов и творчество И.С. Шмелева эмигрантского периода [Текст]: автореф. дисс... к. филол. н. / Е.Г. Потапова. М., 2008. – 26 с.

8. Хализев, В.Е. Ценностные ориентации русской классики [Текст] / В.Е. Хализев. – М.: Гнозис, 2005. – 432 с.
9. Шешунова, С.В. Изображение быта в отечественной классике (на материале романа И.А. Гончарова «Обрыв») [Текст] / С.В. Шешунова // Классика и современность. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 188–194.
10. Шмелев, И.С. Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной [Текст] / И.С. Шмелев // Известные редакции произведений. – М.: РОССПЭН, 2005. – Т. 3 (доп.). Ч. 1. – 792 с.
11. Шмелев, И.С. Солнце мертвых [Текст] / И.С. Шмелев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: Сибирская Благозвонница, 2008. – Т. 6. – 575 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.